

Родился и жил в городе Саранул. Окончил Саранульский политехнический университет. Работал художником-оформителем в кинотеатре, охранником, преподавателем информатики, инженером по маркетингу, дизайнером наружной рекламы, верстальщиком, выпускающим редактором газеты, редактором отдела прозы портала «Сетевая Словесность». Публиковался в журналах и альманахах «Дети Ра», «Воздух», «Крещатик», «Урал» и др., сборниках «Укус и крокодилы: 38 лучших рассказов 2006 года» и «Беглецы и чародеи: 39 лучших рассказов 2007 года» (составитель — Макс Фрай). Один из лауреатов национальной литературной премии «Золотое Перо Руси-2007» в номинации «Очерк»; занял третье место в номинации «Поэзия» на международном литературном фестивале «Русский Stil — 2008» в Штутгарте (Германия). Стихи входили в короткий список конкурса «Согласование времен-2010», в длинный список первой Григорьевской премии, короткий список Международного литературного Волошинского конкурса. Скончался 13 августа 2013 года от сердечного приступа у себя дома.

ТЮРЬМА СИДИТ В ПОЭТЕ

* * *

я хочу от русского языка
ровно того же самого

чего хочет пластун от добытого языка
связанного дрожащего ссаного

замерзает не долетев до земли плевков
а я ж тебя паскуда всю ночь на себе волок

электрической плетью по зрачкам — говори
все как есть выкладывай или умри
все пароли явочки имена
а потом ля голышом на морозец на

посадить бы тебя на лёд очком
чтобы яйца звенели валдайским колокольчиком
чтобы ведьминой лапой маячила у лица
партизанская виселица ламцадрицаца

чтоб саднила подставленная щека
чтоб ожгло до последнего позвонка

а потом глядеть не щурясь на дымный закат
оставляя ошмётки мёртвого языка
на полозьях саночек что везут
через всю деревню на скорый нестрашный суд

* * *

Кому — бесстыдная весна,
кому-то песенка шальная,
Кому-то весточка из сна:
Я умерла, а ты как знаешь.
И только ветер простонал
да закачались деревья,
как забухавший Пастернак
в обнимку с Анною Андревной.

Ты кончилась, а я живу,
зачем живу — и сам не знаю,
а все как будто наяву,
и снова песенка дурная

поёт, поёт, звенит, звенит,
бесстыдно перепутав даты,
а в небе радуга стоит,
а в горле — мёртвый команданте.

Однажды, ядерной весной,
мы все вернёмся, как очнёмся,
в горячий город, свой — не свой,
и мы начнём, и мы начнёмся.
Скребут совки, картавит лёд,
шипят авто, плюются шины,
а в небе радио поёт
про то, что все мы где-то живы.

* * *

убийца и убитый спят в обнимку
тому двенадцать, а другому десять
(их маленькие бесы тоже спят)
их сны как праздничные фотоснимки
где горизонт с собой играет в прятки
а перспектива убегает вспять

и кажется, что это всё неправда
дрянная шутка, опечатка в тексте
что им ещё чудесно повезёт
и не поднимет камень брат на брата
а бесы сладко спят

как только в детстве
сопя в противотакт и сдвинув пятки

и наглухо завален горизонт

* * *

Под височной кожей голубой,
словно паучок в аптечной склянке,
в каждом мальчике томится ангел.
Отпустите ангела домой.

Отпустите ангела домой,
напоите горьким сонным зельем,
после — закопайте глубже в землю,
только чтобы в небо головой.

Словно в клетке, лёгкой и простой,
сделанной из лепестков шалфея,
в каждой девочке скучает фея,
запертая ласковой рукой.

Ласковой отеческой рукой
отоприте золотую дверцу,
вырвите из слабой грудки сердце.
Съешьте сердце. И придёт покой.

* * *

А. Х.

поэт сидит в тюрьме тюрьма сидит в поэте
он по уши в дерьме он хуже всех на свете
он вроде бы убил а может быть ограбил
ах до чего любил играть он против правил

и лето и зима проходят мимо кассы
а в нём самом тюрьма и неизбывный карцер
и не помрёшь во сне и заднего не врубишь
над шконкой на стене портрет татьяны друбич

за эту чепуху
за девочку за эту
прости как на духу все косяки поэту

за то что как живой он говорил по-русски
ты отпусти его морозу на поруки
изъяны и пороки нам дуракам прости
оббитые пороги расстрельные статьи
хоть чуточку скости чудовищные сроки
тяжёлые стишки
надуманные строки

* * *

От мглы, налипшей на зубах,
от злобы, что довлеет дневи,
храни, Господь весёлый Бах,
в заботах о насущном небе.
Даруй нам, Господи, любовь

без слов кривых и знаков тайных —
корзину рыбы, пять хлебов,
и в марте гололёд и тальник,
цветочный яд и дикий мёд,
Восток и Север, Юг и Запад,
поскольку этот город мёртв
и дом покинутый не заперт.
Поскольку не сыскать границ
шагам разымчивым и спорым
в ночи — и всё же оглянись:
ведь этот шов ещё не вспорот!
Сыграй, прошу Тебя, сыграй
на самых чистых и щемящих
в малиновый павлиний рай,
в сквозной, набитый ветром ящик...
Ведь нет позорней немоты —
не умалишь её, не спрячешь —
и это слишком знаешь Ты,
и плачешь, Господи — Ты плачешь?

* * *

Вот такая это небыль, вот такая это блажь.
Улетает шарик в небо — тише, маленький, не плачь.
Он резиново-атласный над тобой и надо мной —
синий-синий, прямо красный, небывалый, надувной.

От любви и от простуды, обрывая провода,
ты лети скорей отсюда, никуда и навсегда,
выше рюмочных и чайных и кромешных мелочей,
обстоятельств чрезвычайных и свидетелей случайных —
Бог признает, Бог признает, Бог признает, кто и чей.

Если веруешь, так веруй, улетаю, улетаю.
В стратосферу, в стратосферу, прямо в космос, прямо в рай.
Вот такая это небыль, вот такая это блажь.
Улетает мальчик в небо. Улетаешь, так не плачь.

Над снегами, над песками, над чудесною страной —
ты лети, я отпускаю, воздуш шарик надувной.
Выше голубей и чаек, мусоров и попрошаек,
новостроек обветшалых, сонных взглядов из-за штор —
ты лети, воздушный шарик,
Бог поймает, если что.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Ты плачешь. Ты совсем не хочешь спать.
Разбрасываешь руки и пеленки.
И мгла — надорвана. И ночь — на спад.
Какая-то кошмарная поломка
случилась во Вселенной. Некий сбой.
Земля кряхтит и валится с орбиты.
И ты захлёбываешься собой
от маленькой взаправдашной обиды
на день, на ночь, на сон, на то, что нет
его, на нас, хлопочущих без толка...
А в изголовье — приглушённый свет
и с Рождества не убранная ёлка.
Давай, бесчинствуй, надрывайся, вой,
реви как сумасшедшая белуга!
Ты голос подал — значит, ты живой
и сделал шаг из замкнутого круга.
Потом усни — чтоб, словно за дверьми,
под веками на цыпочках прокрасться
в базарный день,
в галдящий пёстрый мир,
прекрасный — трижды проклятый — прекрасный.

Смерть пахнет как сирень, замешенная с мёдом,
а глиняная плоть рассыпчата, ломка.
Ко мне пришёл пацан, пришёл себе и смотрит
сквозь полумаску Человека-паука.

Он курит в кулачок, с оглядкой, как злостный
прогульщик и бандит — он курит, бог ты мой!
Сквозь зубы сплёвывает длинно, будто взрослый
и говорит: бери сирень, пошли домой.

Мой мальчик повзрослел на смерть, четыре года
и невернадцать дней, я всё забыл давно.
Теперь он на других широтах и долготах
живёт вниз головой, как супермен в кино.

И словно бы не я слепил тебя из праха.
И словно это я четыре года мёртв.
И зачерствелый хлеб, и молодая брага,
и волосы воды, и пот, и дикий мёд —

всё пахнет об одном, легко, тревожно, гнило,
и день в прогале штор нехстати рассинел.
Хоть это не забыть: июнь, сухая глина
и смертная сирень.

* * *

...и вдруг прольётся, как из чаши,
непоправимо белый свет,
сухой и звонкий, чуть горчащий —
и живы все, и смерти нет.
И пласт подтаявшего снега,
под тяжестью своей осев
и выдохнув, сорвётся с неба —
и страха нет, и рядом все.
И тут же встрепенётся зыбко
и дрогнет крыльями в пыльце
новорождённая улыбка
на запрокинутом лице
цветка. Ну что ж, и ты не бойся,
иди в полуденной росе
туда, где смерть почила в бозе
и живы — все.

* * *

гроза двора, чумазый купидон
нетерпеливо укрощая трех-
колесный экипажик, упадёт
и хнычет, и глаза руками трёт
он знать еще не знает, что —

старик, доисторический урод
жуёт пирамидон запавшим ртом
его глаза обёрнуты в картон
его душа скопление папиллом
он больше не боится, что —
небожья тварь прозваньем аполлон

из воздуха высасывает мёд
и не умеет петь, а все поёт
неслышно, и летает напролом
повсюду, как безбашенный пилот
она плевать хотела, что —

за все, что не оставить на потом
за средиземный снег и зимний гром
за ласточек, что брызнут из-под стрех
за белый свет и вот за них за всех
мы никуда отсюда не умрём

.....

мы никогда до смерти не умрём